

Киевское слово.

1894. 23 марта. № 2224.

С. 1.

Литературные беседы.

А. П. Чеховъ.

1.

Писывая къ бесѣдѣ о произведеніяхъ Чехова, считаемъ необходимымъ ска-
зывать предварительно нѣсколько словъ о
какую мы намѣрены придать во-
нѣмъ бесѣдѣ о литературѣ.

Хотя и короткая еще, практика съ-
стойной ясностью убѣдила насъ, что
нѣмъ обзорѣ, перечисляющія
нѣмъ заданному шаблону все, что по-
нѣмъ въ журналахъ, особенно по ча-
нѣмъ характеристикъ, отнимаютъ только нѣс-
нѣмъ цѣнное въ газетѣ, и не даютъ
нѣмъности говорить о наиболѣе инте-
нѣмъ или выдающихся произведеніяхъ
нѣмъ литературы съ соотвѣтственной
нѣмъ. Поэтому наилучшимъ выходомъ
нѣмъго положенія мы сочли говорить
о томъ, что по тѣмъ или инымъ
нѣмъ могло-бы вызвать общій инте-
нѣмъ стѣнія себя узкими рамками
нѣмъ, наприимѣръ, непремѣнно эстетиче-
нѣмъ много наименованія, въ надеж-
нѣмъ и читатели согласятся съ наши-
нѣмъми въ пользу такого характера
нѣмътурныхъ бесѣдъ. При этомъ соот-
нѣмъственно намѣнено и названіе нашихъ
нѣмъ.

нѣмъ журнального обозрѣвателя рас-
нѣмъ собственно на двѣ части. При-
нѣмъ говорить или о нѣмъ или нѣмъ
нѣмътурныхъ, о нѣмъ содержаніи, или
нѣмъ отдельныхъ произведеніяхъ нѣмъ-
нѣмъ безъ отношенія къ журналу, нѣмъ
нѣмъ нѣмътурному. Первый путь, нѣмъ
нѣмъ до нѣмътурной стѣнны къ „срочной“

работѣ (со всѣми ея послѣдствіями), ос-
тавленъ нами какъ поэтому, такъ еще и
вотъ почему: намъ всегда казалось, что
журнальный обозрѣватель долженъ „спо-
койно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
добру и злу внимая равнодушно“. Мои
личныя симпатіи къ тому или иному жур-
налу за его такъ называемое „направле-
ніе“ или къ отдельному автору за то, о
чемъ онъ пишетъ (не взирая на то, какъ
онъ пишетъ), конечно, ни для кого не обя-
зательны, да и не всегда можно считать
себя въ правѣ навязывать эти симпатіи
или антипатіи другимъ.

Гораздо правильнѣе и безпристрастнѣе—
оставаться на почвѣ чисто объективной, и
вотъ почему. Законы творчества въ обла-
сти искусства вообще и въ области слова
въ частности, а слѣдовательно, и проявле-
ніе ихъ въ реальной жизни въ видѣ ху-
дожественныхъ произведеній, остаются, по
нашему мнѣнію, одними и тѣми-же съ тѣхъ
поръ, какъ въ человѣкѣ проснулся твор-
ческій духъ, и если считать предметомъ
эстетики лишь прекрасное въ твор-
чествѣ, то окажется, что и ея осново-
положенія на всѣхъ пространствахъ отъ Фи-
діаса и Праксителя до Рафаэля, Микель-
Анджелло, Шекспира, Бетховена и до на-
шихъ дней включительно будутъ тоже
одинаковы, неизмѣнны, ибо иначе слѣдо-
вало-бы допустить нѣмъненіе самой приро-
ды творчаго духа, чего быть не можетъ.
Всѣ эстетическія теоріи, всевозможныя
флоры, нѣмъ которыми планши эстетика
по воли тѣхъ или другихъ порицанъ съ
грубомъ-ли „поддавленіемъ“ и тенденціи, съ
грубомъ-ли „идеальности“ (oui d'ideal), грам-
матическихъ и даже злободневныхъ мотивовъ
и т. п. до безконечности, но болѣе какъ
да простить намъ нѣмънѣе болѣе

сравненіе, кривая движенія творческихъ
силъ. Еще одно небольшое поясненіе, и мы
выйдемъ изъ кажущагося слишкомъ широ-
каго обобщенія. Никогда, силою вещей,
по самой своей сущности, творящій духъ
человѣка не бралъ и не могъ брать объ-
ектовъ для своихъ произведеній откуда-то
извнѣ: самъ онъ живетъ въ томъ, что по-
носитъ общее названіе жизни, отдѣльно отъ
нея мыслямъ быть не можетъ и отдѣлять-
ся отъ нея самъ не можетъ тоже. Отсю-
да совершенно простой и удобный для на-
шего обихода выводъ: все въ творчествѣ,
что носитъ въ себѣ элементы красоты и
жизненности, можетъ быть признано худо-
жественнымъ произведеніемъ (точнѣе фор-
мулы для нашихъ цѣлей не требуется) и
подаждать сужденію именно съ этой сто-
роны.

Теперь, извиняясь за наше маленькое
tour de force въ область „абстракціи“, если по-
смотримъ вооруженнымъ такимъ безпри-
страстнымъ критеріемъ окомъ на совре-
менную „текущую“ русскую беллетри-
стику, то мы не замедлимъ открыть: во-
первыхъ, что у насъ есть беллетристовъ
цѣлая армія и даже, если они хотятъ, то
и „плеяда“, и что, какъ очень удачно вы-
разился журнальный обозрѣватель „Русской
Мысли“, „они могли-бы создать что-ни-
будь очень хорошее, если-бы...“; во-вто-
рыхъ, это „если-бы“ порежется воть въ
четыре: произведенія русской беллетристи-
ки либо „правильны“, но нѣмъютъ нѣмъна на-
ло общаго съ жизнью, т. е. создатели ихъ
знаютъ, признаютъ и неовѣдуютъ лишь
форму со нѣмъи вытекающими отсюда
послѣдствіями, и въ-третьихъ, что произве-
денія эти бывають слишкомъ ужъ
нѣмънѣи, но зато не нѣмъютъ ничего
общаго съ красотой.—Какое-то, будто и за-

Киевское слово.

1894. 23 марта. № 2224.

С. 1.

былъ упомянуть тутъ еще одно необходимое для полноты сей тропицы слово талантъ. Нѣтъ. И совсѣмъ его не забывалъ, а оставилъ лишь *pour la bonne bouche*. Тутъ вопросъ не осознаться тоже. Дѣло въ томъ, что, подумавши немного надъ значеніемъ слова талантъ, вы не замедлите убѣдиться, что „талантъ“ у насъ чрезчуръ обобщенъ, популяризированъ, и мы, по снисходительности нашей, забыли разграниченіе таланта отъ „способности“ и не то что совершенно потеряли это разграниченіе, а просто слишкомъ скоро таланту даемъ кличку „великаго“, а „способность“ возводимъ въ талантъ, а отсюда, конечно, цѣлая куча всякихъ недоразумѣній, лагерь, толкованій, и т. д., и въ концѣ концовъ приходится сказать классическое *de gustibus non disputandum est*, потому что и г. Потапенко—талантъ и г. О. Шапиръ—талантъ, и т. д., и т. д. Словомъ, написалъ человекъ нѣсколько строчекъ искренно (можетъ, въ нихъ и всего его содержаніе), сейчасъ—„талантъ!“.

Журналовъ у насъ расплодилось уже довольно много, а лавой-же, скажите, журналы будутъ нѣтъ успѣхъ, если въ немъ не сотрудничаютъ таланты. Въ этомъ журнальномъ успѣхѣ, т. е. успѣхѣ самихъ изданій, много, очень много неискренности, а, значить, столько-же и ала. Само собою, что а „критика“ въ значительномъ большинствѣ случаевъ „подгоняется“ къ такому „знаменательному“ и въ общемъ, еще разъ прому извиненія, получается весьма благоустроенная фабрика, гдѣ а сѣ мастера.

Между тѣмъ самое элементарное размышленіе о талантѣ приводитъ неизбежно къ тому, что человекъ, обладающій въ себѣ того „духа жива“, эту искру Божию, не можетъ творить действительно, т. е. либо не-

красиво, либо безформенно: самая наличность этого духа, самая его сущность иначе и проявиться не можетъ, какъ только въ красотѣ, формѣ и жизненности, уравновѣшенныхъ въ большей или меньшей степени. Моцартъ, напримѣръ, или Пушкинъ, если-бы и хотѣли, то даже умышленно не могли-бы написать чего-либо уродливаго. Конечно, всякій пойметъ, что талантъ у различно одаренныхъ людей бываетъ различенъ: то онъ сверкаетъ блуждающимъ огонькомъ, то онъ пылаетъ и искрится костромъ, то разстилается цѣлымъ заревомъ, но всегда сущность его будетъ одна.

Иное дѣло „способность“. Способность „способна“ сдѣлать все, за что ни возьмется, но зато и издѣлія ея обречены носить на себѣ „роковую печать“ дѣланности, производства, но никогда—творчества. Отдѣлять тутъ талантъ отъ зерна—дѣло, конечно, пратака, но такъ какъ и для критика обязательна своего рода талантъ, какъ *conditio sine qua non*, а таланты—вещь, которую на каждомъ шагу не найдешь, то вотъ намъ в совершенно готовая почва для объясненія славномъ уже обширныхъ „обшахъ вѣсть“ беллетристики, на пространныхъ степеняхъ которой то тутъ, то тамъ видѣются рѣдкіе и тѣмъ болѣе дорогие оазисы.

Однимъ изъ такихъ оазисовъ является, несомнѣнно, А. Н. Чеховъ, которымъ мы и займемся теперь, благо онъ далъ къ этому поводъ. Въ текущемъ году онъ напечаталъ произведенія, надъ которыми сѣдуетъ остановиться „не въ критикѣ прочтѣ“, тѣмъ болѣе, что они, несомнѣнно, указываютъ на новую форму, въ которую кристаллизуется дарованіе въ автора. Это (не считая „Островъ Сахалинъ“) „Бабье-

Царство“ („Русская Мысль“, январь 1894) и „Черный монахъ“ („Артистъ“, январь 1894 г.). Оба разсказа, но обыкновенно г. Чехова, невелики, но оба крайне интересны по содержанію, удовлетворяя въ то же время въ достаточной степени тѣмъ условіямъ, которые даютъ имъ право на названіе художественныхъ произведеній, и о которыхъ мы говорили только что.

Во всякомъ случаѣ то, что сдѣлалъ г. Чеховъ до сихъ поръ, настолько выдается впередъ изъ цѣлой фаланги „способностей“ и настолько симпатично, что мы считаемъ небезъинтереснымъ сдѣлать бѣглый обзоръ того пути, который г. Чеховымъ пройденъ.

Первый періодъ, періодъ молодости, первыхъ порывовъ творческаго духа, по нашему мнѣнію, включаетъ въ себя „Пестрые разсказы“, „Въ сумеркахъ“ и „Разсказы“ завершающіеся „Стенью“.—„Хиурые зюды“, „Дуэль“, „Жена“, „Именины“, „Палата № 6“—это второй періодъ съ наибольшимъ сличкомъ въ драматическій родъ. Въ „Ивановѣ“ и, наконецъ, въ двухъ послѣднихъ разсказахъ мы слышимъ видѣніе третій періодъ.—Скучновъ, неровностей г. Чехова нѣтъ, а это очень вѣрный и надежный показатель какъ силы, такъ и жизненности его таланта.

Соборазно только что сказанному и намѣренъ идти за г. Чеховымъ отдѣльныя очерки, послѣдній изъ нихъ „Бабье царство“ и „Черному монаху“, которые, по весьма многимъ причинамъ, должны быть выдѣлены въ отдѣльную группу.

(Продолженіе будетъ).

А. Д. Эрговъ.